

Галина П. НЕЩИМЕНКО
Москва

**Речевой узус компьютерного диалогического
общения через призму оппозиции
„регулируемое – нерегулируемое речевое
поведение” (на фоне сопоставления русского
и чешского языков)**

Вместо введения

Оппозиция „регулируемое – нерегулируемое речевое поведение” принадлежит к числу новых, ранее не применявшихся операционных приемов. Впервые она была нами использована в составе комплексной методики изучения языковой ситуации с включенной в нее проблемой функциональной дифференциации этнического языка. Поскольку данная дихотомия, как нам представляется, вполне себя оправдала в качестве исследовательского приема, мы решили проверить ее эффективность на другом материале, а именно компьютерной диалогической речи, пытаясь установить лингвистический статус этого феномена. Думается, что называемая оппозиция окажется полезной и при изучении ряда других вопросов, например, при выявлении актуальных тенденций в сфере современной языковой культуры и т.д.

В настоящей статье вниманию читателя будут предложены некоторые результаты ранее проведенных исследований узуса компьютерных диалогов, а также более поздние наблюдения (Нещименко 1998; Нещименко 2000; Нещименко 2005; Nešćimenková 2005).

Рассмотрению конкретного материала будет предпослано краткое изложение сути методического подхода, составной частью которого является оппозиция „регулируемое – нерегулируемое речевое поведение”. Основу его составляют обобщения, к которым мы пришли в результате многолетнего сопоставительного изучения славянских языков, причем как межъязыкового, так и внутриязыкового. Во внимание принимались и существующие в научной литературе точки зрения и позиции, анализ которых проводился под углом зрения их соответствия реальным процессам, протекающим в вербальной этнической коммуникации, а также новым тенденциям, зарождающимся в речевом узусе публичной коммуникации.

Первая публичная презентация концепции состоялась в 1985 г. на заседании Лингвистического объединения ЧСАН в Брно (Nešćimenková 1986). В течение двух последующих десятилетий она совершенствовалась, дополнялась новыми наблюдениями, отраженными в большом количестве публикаций, предшествовавших выходу монографий (Нещименко 1999, 2003).

Цель проводимых исследований заключалась в *макромоделировании* строения этнического языка, т.е. установлении его общей конфигурации, а также организующих принципов.

Поставленная задача решалась путем рассмотрения строения языкового пространства через призму соотнесенного с ним пространства коммуникативного, т.е. это взгляд на язык *не изнутри его системы*, что характерно для доминирующей в современной социолингвистике стратификационной модели, *а извне*. При подобном подходе общая конфигурация модели этнического языка является проекцией коммуникативной модели на плоскость пространства языкового, т.е. коммуникативное и языковое пространства имеют *симметричное* строение, причем членение первого из них предопределяет членение второго.

Поскольку речь шла о *макромоделировании*, структурирование коммуникативного пространства проводилось на основе использования единицы с *максимально высокой* степенью абстрак-

ции – это „коммуникативный ареал”¹. В истории „живого” этноса коммуникативное пространство, как правило, имеет стабильное бинарное строение. Оно состоит из двух ареалов: высшие коммуникативные функции, или цивилизационное общение (ВКФ) и непринужденное повседневное общение (НПО).

Экстраполируя схему членения коммуникативного пространства на плоскость пространства языкового, мы соответственно получаем симметричное бинарное строение последнего, т.е. макромодель структуры этнического языка включает два автономных, равноценных и равнообязательных ареала (подсистемы): языковое обеспечение ВКФ и языковое обеспечение НПО. Компоненты обеих подсистем взаимодействуют друг с другом, их границы проницаемы.

Оппозиция „регулируемое – нерегулируемое речевое поведение” вводится именно на этом этапе анализа, являясь важнейшим дифференциальным признаком подсистем языкового обеспечения, вычленяемых в составе общего корпуса системы этнического языка. Для первого ареала характерно *регулируемое* речевое поведение; для второго – речевое поведение *нерегулируемое* или же с *ослабленной* регулируемостью. Напомним в этой связи высказывание Л. В. Щербы:

Сознательность обыденной разговорной (диалогической) речи в общем стремится к нулю (Щерба 1974, с. 25).

Данный вид общения изначально ориентирован на индивидуального, а не публичного, адресата.

В качестве регуляторов речевого поведения используются:

- а) *внешняя языковая цензура*, т.е. коррекция речевого поведения *извне*. Она осуществляется, прежде всего, *институционально*, т.е. через посредство редакторов, стилистов, корректоров и пр.,

¹ При более детализированном анализе обоих пространств необходимо оперировать единицами, релевантными для *каждой* из этих систем, т.е. говорить об абсолютном подобии структуры коммуникативного и языкового пространства в этом случае не приходится.

на практике реализующих языковую политику, в том числе и кодификацию. Ее проведение, однако, возможно и на *индивидуальном* уровне (воздействие родителей, собеседников и пр., исправляющих речевые ошибки);

- б) *автоцензура*, т.е. *самоконтроль (автокоррекция)* своего собственного речевого поведения, что на практике проявляется в селекции самим индивидуумом употребляемых вербальных средств, в исправлении им же допущенных ошибок, в использовании определенной коммуникативной стратегии, языковой игры, речевых масок и пр.

Для генерирования корректного с точки зрения языковой правильности текста оптимальным является *комплексное* использование обоих видов регуляторов, что на практике не всегда соблюдается. Так, для современного публичного вербального узуса характерна тенденция снижения значимости внешней коррекции, что во многом обуславливается уменьшением авторитета кодификационных предписаний и кодификаторской деятельности в целом. Речевая правильность текста, таким образом, зависит от автокоррекции со всеми сопутствующими этому последствиями. Возможность отрицательного влияния этой диспропорции на уровень речевой культуры предсказать не трудно.

Важно подчеркнуть, что корректирование текста, т.е. Регулирование речевого поведения, не предполагает его обязательного „олитературивания”. Дело в том, что идиомная манифестация в обоих ареалах является, *множественной*, а значит и языковые предпочтения не могут быть *жестко предопределенными*. В конечном итоге это зависит от языковой компетенции индивидуума. Так, определенная часть пользователей языка в силу специфики своей речевой компетенции использует при общении в ареале ВКФ не центральный, т.е. литературный, идиом, которым они не владеют, а какой-то по их представлениям „статусный” разговорный идиом, например, интердиалект по отношению к диалекту и пр. (подробнее см. Нещименко 1999, 2003).

К числу дифференциальных признаков НПО, помимо нерегулируемости речевого поведения, могут быть отнесены: установка на непосредственное взаимодействие с коммуникативным партнером; диалогическое строение дискурса; непринужденность, спонтанность, психологическая внезапность, экспрессивность общения; отсутствие опосредованности общения; ориентация на индивидуального (а не публичного) адресата; наличие некоторой идентичной исходной информации о собеседнике (профессиональная общность, сходство интересов, привязанностей и пр.). Некоторые из этих признаков приводятся Л. В. Щербой (ср.: Щерба 1957, с. 115).

Проекция оппозиции „регулируемое – нерегулируемое речевое поведение” на диалогическую речь, позволяет разграничить ее на *исконную* и *не исконную*. Первая характерна для *нерегулируемого* речевого поведения (ареал НПО), она представляет собой чередующуюся последовательность реплик и реакций *разных* индивидуумов. Диалоги не исконные отмечаются в ареале *регулируемого* речевого поведения, т.е. они целенаправленно выстраиваются *одним* лицом, т.е. автором (художественные произведения), либо журналистом, пересказывающим и корректирующим прямую речь собеседника (интервью в СМИ). Утрата атмосферы непринужденности общения, ее аутентичности неизбежно влечет за собой „включение” автокоррекции.

В свете сказанного выше мы попытаемся далее ответить на ряд важных, с нашей точки зрения, вопросов:

- можно ли отнести компьютерный диалог к НПО?
- какой тип речевого поведения (регулируемый или же нерегулируемый) манифестирует собой компьютерный диалог?
- о каких видах речевой коррекции может идти речь в случае отнесения компьютерного диалога к регулируемому речевому поведению?
- какое место в системе этнического языка занимает компьютерный диалог?

– оказывает ли узус компьютерного диалогического общения влияние на уровень современной речевой культуры?

Ответить на поставленные вопросы не просто, так как язык компьютерного общения – феномен сложный, многоаспектный, гетерогенный. Традиционные приемы работы с языковым материалом здесь не всегда эффективны, поэтому для его изучения необходима комплексная, междисциплинарная методика. Показательно, что исследователи обычно воспринимают феномен компьютерного диалогического общения и, в особенности, так называемые „чаты” как *непринужденное разговорное общение*, т.е. в своем роде поток сознания. Как будет показано ниже, анализ материала подтвердил наши сомнения в справедливости подобной оценки.

* * *

Появление во второй половине XX в. электронных средств связи поставило лингвистов перед необходимостью оперативного решения целого комплекса задач теоретического и прикладного характера. Речь шла при этом не только о подборе необходимого языкового обеспечения для насыщения коммуникативных каналов семантически емкой и одновременно компактной информацией, но и об установлении статуса новых лингвистических феноменов, появившихся в сфере электронного общения.

При всем своеобразии языка компьютерного общения, нарочитости и даже „эпатажности” стилистики некоторых его жанров он является органичным компонентом системы общенационального языка. Присущие ему закономерности не противоречат тенденциям развития последнего, позволяя увидеть их в новом свете. Важно отметить, что речевой стандарт диалогических компьютерных текстов в целом соответствует направленности изменения вербального стандарта современной публичной коммуникации – мы имеем в виду его „массовизацию”, „усреднение”, усиление экспрессивности, снижение пафосности текста и т.п. (см.: Нецименко 2001; Нельиименко 2001а и др.).

Снижение речевого контроля, сопутствующее ускоренной вербальной коммуникации, благоприятствует развитию внутриязыковой, междиомной и межъязыковой интерференции, проникновению элементов разговорного узуса, в том числе и жаргонизмов, повышению частотности их употребления. Это отражает направленность динамики современного речевого стандарта, уровень вербальной культуры, специфику речевого поведения представителей различных возрастных и социальных слоев носителей и пользователей этнического языка.

Несмотря на то, что изучение языковой специфики компьютерного общения является важной задачей современной лингвистики, данная проблематика зачастую остается на периферии исследовательского интереса², не получая необходимой „легитимности”. Нередко приходится сталкиваться со скептическим, даже снобистски-пренебрежительным отношением к научной целесообразности разработки данного явления. Касается это и признания статуса публичности за некоторыми видами компьютерной коммуникации. При этом коммуникативная и социальная значимость, масштабы использования электронного общения – хотим мы того или нет – стремительно увеличиваются. Возрастает и вовлеченность в него не только основного генерационного массива населения, но и молодежи, оказывающейся наиболее восприимчивой к техническим новшествам, а, как известно, именно речевое поведение молодого поколения является мощным импульсом изменения речевого стандарта социума в целом. Большую роль сыграло и появление отечественных версий интернета, не требующих англоязычной транслитерации текста. Это расширило состав его пользователей, ускорило прохождение информации по каналам связи, сделало общение более непринужденным, оперативным.

---

² Лучше обстоит дело с изучением специфики языка компьютерного общения у чешских лингвистов. Назовем только несколько имен: Bozděchová 1997; Čmejrková 1997; Našová.2002; Hoffmannová 2003; Králík 1997; Uhlířová 1994; Uhlířová 1994a; Йилкова (Гашова) 2006; Гоффманнова 2006 и мн.др.

Проводимые нами исследования строились на материале русского и чешского языков. Введение сопоставительного ракурса выявляет сходства и различия близкородственных языков при решении идентичных коммуникативных задач, являющихся в этом случае *Tertium Comparationis*.

Из множества реализаций компьютерного языка мы остановимся лишь на той, анализ которой, по нашему мнению, наиболее важен для установления его лингвистического статуса в системе этнического языка. Мы имеем в виду компьютерную диалогическую речь, манифестируемую в таких видах электронного общения как телеконференции, или же форумы, на которых публично обсуждается заранее установленный круг проблем, а также адресное скоростное электронное общение в режиме „он-лайн” (ICQ), включая так называемые „чаты” (в чешском профессиональном сленге это *pokec*, а также *kec*; ср.: *ahoj lidicky tak co je tu nekdo na pokec?* – русский сленговый аналог: *болталки* или же просто *тпен*). Иными словами, в поле нашего зрения будут находиться компьютерные тексты с реальными или же виртуальными признаками диалогического общения.

Несмотря на включенность ряда жанров компьютерного общения в состав корпуса публичной коммуникации (разумеется, с разным статусом их публичности), нельзя не заметить важные отличия между традиционными (радио, телевидение, пресса) и медийными средствами интернета. Так, в компьютерной публичной коммуникации более выражена *интерактивность* общения, более *подвижными* являются границы между адресантами и адресатами, постоянно меняющимися своими поведенческими ролями. Это особенно заметно при изучении речевого поведения на форумах, в интернет-журналах типа *Live Journal*, блогах, чатах, в общении профессионалов-системных операторов (чеш. *systemák*, рус. *сисон*) и пр., когда интерактивность является не просто существенной, но и *неотъемлемой* составляющей. Многие из *адресатов* в силу интерактивности общения становятся *адресантами*, т. е. *активными* участниками общения, влия-

ют на его ход, направленность обсуждения, излагают свое видение обсуждаемых вопросов, привносят характерные для них речевые навыки, уровень языковой компетенции и пр. По этой причине в текстах публичного компьютерного общения отражаются элементы речевой нормы различных возрастных, социальных и региональных слоев носителей и пользователей этнического языка. Расширение состава адресатов и адресантов ограничивается лишь необходимостью наличия соответствующего технического оборудования, а также навыков (пусть даже первичных) им пользования.

Обращает на себя внимание еще одна деталь: в традиционных медийных средствах, несмотря на использование в них как *графической*, так и *звуковой* фиксации информации, к концу столетия стали доминировать *устные* медийные каналы (радио, телевидение), т.е. наблюдается феномен „устнизации” (Нещименко 2001). В компьютерном общении, напротив, используется *графическая* фиксация текста, т.е. возникшая асимметрия как бы выравнивается.

Показательно также, что текстовая структура (диалогическая речь) и инвентарь используемых выразительных средств (включения из сленга, обиходно-разговорной и профессиональной речи и пр.) в компьютерном общении во многом сходны с теми же показателями разговорного (в самом широком смысле этого слова) непринужденного общения. Однако в главном – а именно в *типе речевого поведения* – они принципиально отличаются друг от друга, заставляя усомниться в том, что действительно ли мы имеем дело с исконным диалогом (см. выше). Наблюдаемые различия настолько значительны, что невольно напрашивается вывод о том, что компьютерный диалог является особой разновидностью *регулируемого* речевого поведения, коммуникативная и вербальная стратегия которого выстраивается прежде всего посредством *автокоррекции* (автоцензуры), осуществляемой самими продуцентами вербального текста, а также отчасти *внешней* речевой коррекции, реализуемой на *индивидуальном* уровне (см.

выше). В этом отношении степень речевой свободы здесь является ограниченной.

Рассмотрим некоторые проявления „*особости*” компьютерного диалога, отличающие его от непринужденного повседневного общения (см. выше дифференциальные признаки):

1. Компьютерное общение как одна из разновидностей опосредованной коммуникации.

Опосредующим устройством при подобном виде общения является компьютер, от которого участники коммуникации полностью зависят. В любой момент может произойти сбой или даже обрыв связи из-за технических неполадок, вмешательства модератора (см. ниже), сознательного прекращения коммуникативного контакта, сигнализируемого „*logout*”. Сам факт опосредованности общения не может не мешать установлению отношений непринужденности, независимо от того, идет ли речь о компьютере, телефоне, факсе, пейджере, автоответчике и пр. Это затрудняет коммуникативный контакт между партнерами, лишает их ценной невербальной информации друг о друге (мимике, жестике, выражении глаз и пр.). Не типичной для непринужденного общения является и использование графической фиксации текста (ср.: [23:47] <Mystik> medvide: *Ahoj devce, jak se mas, dlouho jsme se necetli :-)*)). Говоря это, мы имеем в виду не только компьютерное общение, но и частную переписку³. Возможно более правильно было бы говорить в этом случае об *однонаправленном* диалоге с воображаемым собеседником, ответ от которого может быть получен либо с разрывом во времени, либо не получен вообще. Иными словами, вряд ли можно отрицать возникновение противоречия между способом трансляции информации, с одной стороны, и разговорной стилистикой, типом текста и коммуникативной установкой компьютерного диалогического общения, с другой.

³ Иначе обстоит дело с письменными распоряжениями, просьбам к домашним, коллегам и пр., в которых, как правило, преобладает лишь информативная составляющая.

Использование электронной фиксации текста может создавать неудобства для лиц, недостаточно хорошо владеющих клавиатурой, что также затрудняет непринужденность общения (ср. ремарки коммуникантов: *Promiň, trvá mi trochu déle hledat písménka; pišu pomalu; Извини, я пишу медленно* и пр.). Для носителей чешского языка помехой является невозможность фиксации (в большинстве компьютерных текстов) чешской диакритики, а также несколько иное (по сравнению с английскими графемами) расположение на клавиатуре клавиш, соответствующих буквам „z” и „y”. Для русского пользователя интернета может оказаться затруднительным использование латинской транслитерации (разумеется, если отсутствует русскоязычная версия интернета).

2. Компьютерный диалог как разновидность публичного общения.

В отличие от НПО, дискурс которого относится к *непубличной* интерперсональной коммуникации, подавляющее большинство компьютерных диалогов имеет характер *публичного* общения, причем, один и тот же индивидуум одновременно может общаться с несколькими адресатами; ср. общение по ICQ:

Коля, погоди, я тут щас раскидаю людей – с 4-мя сразу общаюсь („Новая газета” 3/2000).

По степени публичности компьютерные тексты могут дифференцироваться следующим образом:

– диалоги с *изначальной* публичностью, характерные, например, для телеконференций, адресованных широкому кругу пользователей интернета; ср. призывную ремарку: *Читать всем!*, предваряющую форум на тему „*О конкретном вреде срт мониторов*” (ноябрь 1999 г.). В нем приняли участие 34 человека, среди них были как профессионалы, так и любители, имеющие лишь некоторое представление об обсуждаемом предмете.

– диалоги с публичностью *секундарной*, когда тексты интерперсонального общения по характеру воспроизведения становятся доступными и остальным участникам, приобретая вторичную публичность.

Причем если публичность воспроизведения мешает более интимному общению, можно перейти на индивидуальный канал, т.е. „*пошептаться*”. Предложения „*пошептаться*” (*а не хочешь ли ты пошептаться?*) зафиксированы в имеющихся у нас текстах чатов. Об этом же пишет и Л. Йилкова (Гашова):

Дискутировать можно и шепотом, т.е. перейти на индивидуальное общение. В этом случае текст адресуется лишь одному конкретному человеку, другим же участникам он становится недоступен (Йилкова (Гашова) 2006, с. 419).

В целом адресат компьютерного общения может быть *индивидуальным* (например, адресная монологическая электронная почта; упоминавшийся выше „шепот”; иногда участник общения персонально выделяет кого-нибудь одного из числа посетителей чата; ср.: [21:01] **Azuritek mava petre* и пр.), *массовым*, т.е. публичным, и, наконец, *групповым, корпоративным* (общение профессионалов-системных операторов⁴). От контингента участников коммуникации во многом зависит и характер речевого стандарта. Так, на „чатах”, где, как правило, общается молодежь, широко используется молодежный сленг (*gympl*, но и *z gymnasia; z matiky; klid'o přilet se podívat; bezva; mám furt sedět u telky; přeju brou (noc); přijedu na dvě hodky (hodiny)*) и пр. В диалогах компьютерщиков-профессионалов широко используется профессиональная терминология, в том числе и в сленговой манифестации: *часто от компа отвле-*

⁴ *Skalni chataři už vytvořili i svůj vlastní jazyk, jenž se blíží hovorové mluvě* (Magazín Práva 30.06.2001); ср. также призыв к отечественным компьютерщикам: *Товарищи! Сделаем речь компьютерщиков совсем непонятной! Уберем предлоги, роды, падежи. Будем вообще пересистемываться по модем-*

каюсь; зрение упало, но не от монитора. Широко используются в компьютерном общении англицизмы как адаптированные, так и неадаптированные (некоторые из них мы приводили выше); ср. также тексты „молодежных” чатов:

[...] zachraňuju ve schoole co se dá; sorry ale ještě něco dělám; hned budu OK; Tak kdo changne ty čísla???: Умные доктора сказали, что с глазами все ок, оба глаза ок и пр.

Встречаются и включения из других языков; ср.:

[9:09] <maya> na prechadsku k moru to jo, ale kupat sa radsi budem v bazene tam je to istejsie; boze ja su tak stastny tomne tak potesilo ze se asi nedosmej:))));

[2:59] <len> divam se na tv magician trick revelead;

[2:59] <kecara> neponimaju.

3. Отличие временного регламента компьютерного диалога от диалога исконного.

Компьютерные диалоги могут проходить как *одновременно*, в режиме „онлайн”, так и *с разрывом во времени*, причем пауза между репликами может быть весьма продолжительной; ср. хронометраж реплик на форуме, посвященном *crt*-мониторам. Обсуждение проблемы продолжалось с 25.11.1999 по 30.11.1999: 25.11.1999 (17.17; 17.27; 19.18, 20.28; 21.45); 26.11.1999 (00.55; 06.38; 17.23; 22.22); 27.11.1999: (18.27; 19.17; 19.44; 19.46; 22.43; 23.15; 23.45); 28.11.1999: (00.11; 14.55; 15.34; 18.20; 22.04); 29.11.1999 (02.55; 10.27; 10.31; 11.23; 11.27; 11.33; 11.40; 11.45); 30.11.1999 (00.03; 13.19; 13.30; 14.42; 14.47; 14.53; 15.37; 16.27). При подобном регламенте *диалогическая* речь, по сути, превращается в *монологическую*.

Жесткая временная регламентация, характерная для общения в режиме „онлайн” не может не оказывать влияния на используемый выразительный ряд; ср. авторскую ремарку:

Читатель, не ищи здесь опечаток. Когда общаешься по „аске”, меньше всего думаешь о строчных и прописных буквах (когда это не затрагивает смысла) [...] Мы общались через Интернет с помощью программы Ай-си-

-кью (что-то похожее на обмен телеграммами через тысячу с лишним километров в режиме реального времени. Здесь своя грамматика, свои шутки, свой стиль). Мысли приходится формулировать кратко, думать быстро. Это как турнир по быстрым шахматам („Новая газета” 3/2000).

По сути, это „скоропись”, не соблюдающая привычный стандарт правописания, устраняющая все „избыточное” (опущение диакритики в чешском тексте, игнорирование знаков препинания, правил сегментации слов, прописных букв); ср. чат:

[20:52] <uno> azuritek, vcerajsem byl v londyne na nejakem kurzu, kde se rikalo, ze v CR je v prepoctu na obyvatel nejvetsi podil inter netu v cele vychodni astredni evrope;

[21:08] <Siki> kec : napis treba trikrat za sebou to zsam,

и мн. др.

Характер временной регламентации стимулирует и использование компактных англоязычных аббревиатур: *ИМХО* ‘In My Humble Opinion’, или же ‘по моему скромному мнению’; *SYS* ‘See You Soon’, ‘до встречи; скоро увидимся’ и пр.; ср. в контексте: *с телевизором, имхо, проще в плане отдыха; сильно ИМХО заниженная оценка* и т.п.

4. Затрудненность контактного взаимодействия коммуникантов при компьютерном диалогическом общении.

Важное отличие компьютерного диалога от повседневной диалогической речи состоит в отсутствии необходимой информации о собеседнике, тем более информации достоверной, которая могла бы послужить опорой при общении. Положение усугубляется и анонимностью участников, использующих различные псевдонимы („ники”, англ. *nickname, nick*; ср. примеры чешских „ников”: *azuritek, brouk, dub, kecara, hugozhor, mystik* и даже *samizdat* и пр.):

žádná skutečná jména, žádné tváře, do chatů se každý přihlásí pod svou zvolenou přezdívkou, zasvěceně se říká nickem [...] propadli hitu zvanému chat (čti čet), česky pokec). Ten nabízí nejrychlejší způsob, jak se setkávat a seznamovat. Přitom ani nemusíte vyjít z domova od svého počítače a můžete najednou pokecat se stov-

kami lidí kdekoli na světě. Lidé ze sebe někdy dělají něco, co nejsou, vystupují pod několika nicky, hrajou si na ženskou, pod jiným jménem se nestydí řádně se odvázat, hrát si na kinga či si třeba na ostatních vylít vztek” („Magazín Práva“, 30.06.2001).

В связи с невозможностью установления прямого *аудиовизуального* контакта между коммуникантами вводятся соответствующие вербальные компенсаторы, уточняющие внешний вид (*jsem vysokej, modrý oči a špinavej blond; jak viš, že to byla bruneta? Pouze se domnívám*; [10:49] <tomy> *MAyoo, jake mas vlasy... Prozradis????*), возраст ([22:04] <kecara> *Kolik ti je*; [22:04] <Michal> *17 a pul*; [22:00] <Azuritek> *kolik ti je?* [22:00] <kecara> 25; [21:21] <Siki> *aha ja 16, teprf*). Примечательно отношение к участнику чата более зрелого возраста: [21:11] <Brouk> <Mates> *Ty si u me KOKOT z vesnice rozumís ty 59 letej cipe!* Ср. встретившуюся нам пространную синтетическую автохарактеристику: Mikey:

Jsem 27letý paník z Prahy. Hnědé vlasy, modré oči s tmavými kruhy. Levičák, romantik, depešák. <http://klaustropolis.rulez.cz> – nemám rád kapitalismus. Miluju rizoto. Mám černý triko a vietnamský boty. Dřevorubecká košile. K obědu mrkvo-ová pomazánka.

В качестве компенсаторов недостающей информации используются пиктограммы в виде так называемых смайликов, набор которых достаточно широк, однако не все они используются с одинаковой частотностью. Потребность в пиктограммах является дополнительным подтверждением значимости контактного взаимодействия (*face to face*) коммуницирующих (Нещименко 1998). Широко применяются разновеликие шрифты, повторное употребление букв и пр.; ср. (фиксация интонации, экспрессии) *Mej se kraaaaaaasné, ať se Ti dílo daří; koneec; táák; ahóóój*; [21:05] <Siki> НАНА АНАННАА; [21:05] <Siki> HUUU; [21:05] <Siki> HUHUNUH; [21:05] <Siki> CHAA CHAA; [21:05] <kecara> НEEEEEE; [21:05] <Siki> CHUUU; [21:06] <Siki> CHUUU или *Людиииии!!!! Я просто со смеху умираю!!! Это просто невыносимо!*; (фиксация логического

ударения) *LS>>> полез и нашел бутылку ВОДКИ :) а я даже не знаю откуда она там взялась :) лежала себе мирненько, заваленная всякой макулатурой придется теперь ее пить :).*

При компьютерном диалоге трудно соблюдать этикетные правила общения, хотя некоторые попытки все же предпринимаются; ср. диалог в режиме ICQ двух, ранее не знакомых друг с другом русских журналистов, один живет в Японии; другой – в Москве:

Итак-с! Как мы будем друг друга называть? Дмитрий – Николай или Митя – Коля? Ты или вы? Ты же знаешь, что в Сети разницы нет („Новая газета” 3/2000).

Дефицит информации может восполняться созданием виртуального образа собеседника, домысливанием его внешнего вида, вкусовых пристрастий – Митька:

Ну, окей. Кстати, извини, что я в плавках – у нас тут жара 37:))); Митька: *щас кофе налью. Тебе с сахаром? :-)* – Ко: *)* – *с лимоном, я с сахаром не пью*. Ср. также: [2:57] <kecara> *DA si nekdo kafe*; [2:57] <Raim> *DA*; [2:57] <kecara> *Da Da*; [2:57] <Raim> *Dve kostky*; [2:57] <Raim> *Diky* („Новая газета” 3/2000).

Как видим, здесь явно присутствует игровой момент. Скорее всего компьютерный диалог является не исконным диалогом, а особой разновидностью виртуального общения.

5. Компьютерный диалог как особая разновидность сознательно выстраиваемого интерперсонального общения

Исследователи чатов склонны оценивать их как непринужденное, спонтанное общение, однако, как мы постараемся показать ниже, для этого утверждения нет оснований. Наличие сходства между текстовой структурой, используемым выразительным рядом компьютерных диалогов и текстов непринужденного повседневного общения не может служить основанием для их отождествления, поскольку в главном – а именно в *типе речевого поведения* – эти феномены существенно отличаются друг от друга, причем различия касаются важнейших

параметров речевого поведения. При рассмотрении этого вопроса оправдывает себя применение оппозиции „регулируемое – нерегулируемое речевое поведение” (см. выше).

Как видно из материала, в традиционных видах публичной коммуникации, равно как и в публичном компьютерном общении диалог представляет собой особую разновидность *регулируемого* речевого поведения, текст которого сознательно выстраивается как с помощью *внешней* коррекции речевого поведения, так и *автокоррекции (автоцензуры)*, осуществляемой самим продуктором вербального текста.

Важно, однако, иметь в виду, что в компьютерной диалогической речи *внешние* регуляторы имеют принципиально *инное* назначение. Выполняющий эти функции модератор, блогер, ведущий и т.д. не занимается *языковым* редактированием текста, он осуществляет контроль за соблюдением участниками заявленной тематики, регламента общения, за активностью их участия в дискуссии, за корректностью их речевого поведения (отсутствие бранных слов).

По этой причине вербальное качество текста, его речевой стандарт зависит *лишь от одного регулятора* – речевой культуры индивидуума, его языковой компетенции, т.е. Автоцензуры.

Рассмотрим механизм действия регуляторов при компьютерном диалогическом общении:

А. Внешняя коррекция

К ведущему, или же модератору, являющемуся по большей части лицом невидимым, зачастую анонимным, поступают тексты всех выступлений в дискуссии, причем нередко это происходит раньше, чем их получают остальные ее участники. Модератор:

принимает решение, не нарушает ли данное выступление или же ответ на него правила, принятые в данной дискуссионной группе. При повторном или же слишком вызывающем нарушении правил он имеет право исключить данного участника из дискуссии в этой группе. Участие в дискуссионной

группе, руководимой модератором, обычно предполагает соблюдение *правил, распространяющихся на всех ее участников (подключение осуществляется на основе пароля, предоставляемого модератором)* (Hlavenka a kol. 1997, с. 266).

Сходным образом определяет задачи модератора и Л. Йилкова (Гашова): он может по-своему направлять дискуссию, определять ее тему. Кроме того, ему принадлежит право „стирать” из ее публичной части те выступления, которые по какой-то причине представляются ему неприемлемыми, например, если представленный текст тематически не подходит для данного клуба. Препятствием может быть и излишняя вульгарность высказывания и т.п. В заглавии каждого дискуссионного клуба обычно указываются установленные модератором правила ведения в нем дискуссии (распространяется это и на чаты). В том случае, если кто-нибудь из участников дискуссии повторно нарушает принятые правила, модератор может раз и навсегда запретить ему вход в свой клуб, во всяком случае, до тех пор, пока этот недисциплинированный участник не придумает себе новый псевдоним и новый входной пароль (ср.: Йилкова (Гашова), 2006, с. 420).

Уделяя столько внимания роли модератора, мы хотим показать, что при всей, казалось бы, непринужденности общения на чатах и вообще в компьютерных дискуссиях, оно отнюдь не является неким нерегулируемым потоком сознания, а подчиняется достаточно строгим правилам.

Проиллюстрируем полемику между модератором и участником чата: (модератор – „М.”) *Budu muset vymajznout* – (участник – „У.”) *a proč zrovna já; („Ě.”) jenom potřebuji, aby jsi se na chvíli odhlásila z místnosti* – („Ó.”) *haha, promiňte, už se budu chovat slušně a nebudu říkat intimnosti*. Иногда реакция модератора оказывается более категоричной:

[21:13] *** *Brouk was kicked by robot (robot);*

[21:14] <Siki> *opas nas prej nesleduje (prej) ale ted brouka asi nakop;*

[21:17] „* Siki vas pozdravuje od BROUKA – uz bohuzel neprijde –
[21:17] <Siki> robot ho pro dnešek vyhodil totalně”.

Впрочем, этому суровому решению модератора предшествовало довольно вызывающее поведение (в том числе и речевое) участников чата⁵. Именно модератор принимает решение и об использовании псевдонима; ср.:

YD> А что, кстати, в R50.SYSOP уже можно только псевдонимами пользоваться? – Насколько я знаю, это всегда остается на усмотрение модератора.

Судя по имеющимся у нас текстам чатов (а также на основании собственного опыта участия в чешском чате), модератор внимательно контролирует выступления участников; ср. его ремарки:

Вы не участвовали уже 180 секунд. Если не проявите активность в течение последующих 180 секунд, вы будете исключены

и далее следует категоричное указание:

Вы исключаетесь из-за длительной неактивности.

Эпизодически наблюдаются случаи *индивидуальной* внешней коррекции текста; ср.:

[21:18] <kecara> Odkud jses smim-li se ptat;

[21:19] <Siki> ja se m z Kutne Hory;

---

⁵ [21:07] <kecara> Dobry. A to jako vyhazuje za sprostý slova co; [21:07] <Siki> protože na icq je ! [21:08] <Brouk> To spis :o); [21:08] <Siki> kec: jo; [21:08] <kecara> I anglicky; [21:08] <Siki> kec : napis treba trikraty za sebou to zsamy; [21:08] <Brouk> Aha :o)) Jinak mu to totis nevadi :o); [21:08] <Siki> JO; [21:08] <kecara> coto???? [21:08] <Siki> napis f u c [...] (dit vis); [21:08] <Siki> ale dohromady; [21:09] <kecara> Vyvolame ho.... OPASI JSI TU???????? [21:09] <Siki> asi je , protože jinak bejva na icq jako away; [21:17] * Siki vas pozdravuje od BROUKA - uz bohuzel neprijde; [21:17] <Siki> robot ho pro dnešek vyhodil totalně; [21:17] <kecara> Padouch; [21:18] <kecara> Siki? [21:18] <Siki> OPASI !!!!!!!!!!!!! PUST SEM BROUCKA !!!

[21:19] <Siki> koudelnikuf syn;

[21:19] <kecara> koudelnikuv syn?

Как видим, один из собеседников поправляет неверное написание слова (вм. *koudelnikuv* – *koudelnikuf*). Ср. также диалог двух участников общения системных операторов с разным уровнем грамотности:

AN>> И ты с ним на другую машину тоскался? Бедняга!!!; PK> Спасибо за заботу, но не тоскался. Он был уже отформатирован.

Б. Автоцензура (автокоррекция) речевого поведения

Этот вид коррекции текста чрезвычайно важен, однако его эффективность полностью зависит, как уже говорилось выше, от языковой компетенции самого участника компьютерного диалога, которая зачастую не является высокой (ср.: [21:09] <Siki> a ted tam je normal; [21:56] <Azuritek> tet nemam co delat, т.е. фонетическое написание *tet* вм. *ted*).

Случаи внесения правки в только что написанный текст с целью исправления допущенных речевых ошибок, т.е. автоцензуры, заслуживают особого внимания:

[20:57] <Azuritek> jsme tu resil problem s telefonama;

[20:58] <Azuritek> jsem tu resil problem s telefonama.

Это говорит о повторном прочтении отправляемого сообщения и приведении в соответствие вспомогательного глагола *jsme* (мн.ч.) и текста в целом (ед.ч.), в результате чего первоначальное *jsme* заменяется на *jsem*. Ср. также:

[9:41] <kecara> Zname sa jiz dlho a sme temer;

[9:41] <kecara> stejne sari :-);

[9:42] <maya> co?

[9:42] <kecara> stari chybka;

[9:42] <maya> aha :-);

[9:42] <kecara> :-));

[2:55] <kecara> Beru fsecho:)))))))))))))))))))));

[2:55] <Martina> ani ne:);

[2:55] <kecara> *fsechno* – oprava;
 [9:42] <maya> *a co robis?*
 [8:46] <kecara> *Narvalo???*
 [8:46] <kecara> *Natrvalo???* Oprava;
 [8:00] <kecara> *Do podeli ma byt hotovo to co jsem tu mel delat;*
 [8:00] <kecara> *pondeli* – oprava; <robot> K: *hehehe a v jaky dire to byslis?*
 <robot> K: *hehehe a v jaky dire to bydlis?*

Наблюдения показывают, что, несмотря на ускоренный темп общения при компьютерном диалоге, его участники все же успевают „поработать” над продуцируемыми текстами, „поиграть” с ними. Так, проводя целенаправленную коммуникативную стратегию, языковую игру, они могут намеренно искажать написание слов; ср.: *to je sparvný* (вм. *správný*), *zorvna* (вм. *zrovna*), *mrtfola* (вм. *mrtvola*), *od fčerejška* (вм. *včerejška*), *ftip* (вм. *vtip*), *bafte se* (вм. *bavte se*), *fšem* (вм. *všem*), *je mrtfo* (вм. *mrtvo*); *řekni ftip* (вм. *vtip*), *piffko* (вм. *pivko*), *přeqapení* (вм. *překvapení*), *žádná sradan* (вм. *sranda*). Чаще всего это перестановка букв; замена звонких согласных на глухой (ср. также: [21:08] <Brouk> *Jinak mu to totis nevadí :o*), где вм. *totiz* написано *totis*); иногда *kv* заменяется на *q* и пр. Распространены случаи нарушения сегментации речевого потока на отдельные слова; ср.: *to žsamý*; *tosebudemneska sřídát* и пр.

Примечательно, что в своем большинстве компьютерные диалоги насыщены экспрессией; ср.: *И только самая современная наукрутейшая супер операционная система* или же *dominantou skutečně obrovitánánánských rozměrů* и множество подобных текстов.

Проблемы для пользователей интернета создает необходимость употребления англоязычной транслитерации, причем трудности, возникающие у чешских и русских пользователей интернета, разнятся: чешским пользователям может мешать

⁶ Ср. отрывок из электронного письма отца к взрослой дочери: *doufám, že můj dopis se Ti podaří rozbaliť. Hrozně nerad píši bez háčků a čárek.*

невозможность использования чешской диакритики⁶, а также несколько иное (по сравнению с английской клавиатурой) расположение клавиш, соответствующих чешским „z” и „y”; русским – переход от кириллицы к латинице, а также отсутствие однозначного соответствия графических систем (например, отсутствие специальных графем для „ч”, „ж”, „ш”, „щ”, в результате чего приходится прибегать к лигатурам)⁷.

* * *

Перспективным представляется рассмотрение языка компьютерного публичного общения через призму внутриэтнической языковой ситуации. Как уже отмечалось, снижение речевого контроля, сопутствующее ускоренной вербальной коммуникации, благоприятствует развитию как межъязыковой, так и внутриязыковой, т.е. междиомной, интерференции, проникновению элементов разговорного узуса, в том числе и жаргонизмов в узус публичной коммуникации, повышению частотности их употребления.

Динамика языкового обеспечения публичной вербальной коммуникации в целом определяется действием как *социолингвистических*, так и *информационно-коммуникативных* факторов. Информационно-коммуникативная составляющая, во многом обусловливаемая мировым уровнем научно-технического развития, имеет более *универсальный* характер, поэтому и ее проекция на языковое пространство различных этносов выявляет в нем наличие, как правило, *конвергентных* тенденций. Иначе обстоит дело с *социолингвистической* составляющей. Данные сопоставительного анализа языковых ситуаций различных этносов, даже близкородственных, позволяют говорить о вариативности наблюдаемой картины, наличии не только межъязыковых схож-

⁷ Ср. пример из чешского чата: „*Tak kdo changne tž čísla???*” (вм.: *ty*); у другого участника чата эта ошибка отсутствует: „*Tak kdo changne ty čísla*” или *telefon muze byt vrazne levneji* вм. *vyrazne*.

дений, но и расхождений. Причина этого во многом коренится в специфике развития конкретной этнической языковой ситуации.

Как следует из материала, в современном русском и чешском публичном узусе активизируются *разные* манифестации разговорного языка, т.е. подтверждается факт их *избирательного* использования.

Для чешского языка наиболее актуальным является вторжение в речевой узус публичной коммуникации включений из разговорного идиома *obecná čeština*, приток которых в литературную норму до сих пор продолжает оставаться острейшей проблемой. Подобная активизация именно идиома *obecná čeština* обусловлена прежде всего его высоким социолингвистическим статусом (среднечешский узус и прежде всего язык Праги). В целом можно утверждать, что это узус повседневного общения большей части носителей чешского языка.

Для современного русского языка более актуальна активизация *социолектов* в виде включений из молодежного и профессионального сленга, а также (по мере развития рыночных отношений) и криминального жаргона (см. подробнее: Нещименко, 2001). Что касается использования в узусе русской публичной, в том числе и компьютерной речи включений из так называемого „просторечия”, то их численность в целом ничтожна. Мало того, в большинстве своем речь идет о нарочитом воспроизведении орфоэпических особенностей русской устной речи; ср.: *щас (сейчас); ваще (вообще); ниче (ничего) не понял; дык (да) может вообще (вообще); Ну дак (да) вот; и еще чё-то (что-то) сложное; Чегой-то жив пока; ужсо своими страшилками; ктонить (кто-нибудь)*. Пожалуй, как просторечные здесь можно квалифицировать лишь *дык, дак, чегой-то, ужсо*.

По „чатовским” текстам можно судить и о частотности употребления примет идиома *obecná čeština* в узусе: (*é > ý*) *trojkový číslo; to pak bude těžký; tak to by bylo výhodný; já mám šilený účta; v Kutný hoře jsou prima kostely*; но и: *já jsem z Kutné hory*; (*ý > ej*): (во флексии) *levněj; náročněj; vychovanej; nebud' sprostěj; prej; má*

stejněj názor; já jsem připojeněj; taky byl vdycky někej dobrej pokec; barevněj toner do tiskárny; pardubickěj dealer; (в корне) *bejvá; cejtíl; tejdén*; (протетическое „v”) *koukal z yokna; yobčas něco zapomenu; kecal yo fotbale; yo čem je řeč; yodkad pak seš; já si tě yohlídám; abych tě nemusela zase yotravovat* (проводится не всегда последовательно); (флексия в тв.мн. *-ma*, очень высокая частотность) *s těma prachama; s jakejma; jakej je rozdíl mezi windowsama; problém s telefonama; s rodičema; s reklamama; s bramborovejma knedlíkama; tak mě ti lidi ubijou otázka; s dvěma vikendama; jak to vypadá s vízama?*

В целом, как показывает проведенное исследование, в разных жанровых разновидностях компьютерного диалогического публичного общения речевое поведение может быть *регулируемым, квазинерегулируемым* и лишь в незначительной степени *нерегулируемым*. Близость компьютерного диалога к подсистеме языкового обеспечения с *регулируемым* речевым поведением нам представляется более очевидной. Для текстов *компьютерных диалогов* характерно *осознанное и целенаправленное* выстраивание дискурса, т.е. речевая свобода в них не только *лимитируется*, но и порой *имитируется*.

Это дает основание говорить о компьютерной диалогической речи, равно как и о компьютерном общении вообще, как о новой, гибридной специфической разновидности *опосредованной* коммуникации, детальное изучение которой ждет своего исследователя.

По своему положению в системе этнического языка узус компьютерного общения и, в частности, компьютерная диалогическая речь как одна из его реализаций является, по сути, связующим звеном между обеими его подсистемами – регулируемого и нерегулируемого речевого поведения. Сказанное служит дополнительным подтверждением *континуальности* языковой системы, наличия в ней плавного перехода от одного коммуникативного ареала к другому.

* * *

В заключительном разделе статьи мы остановимся на двух тесно взаимосвязанных вопросах:

- а) *отражение* в узусе публичного компьютерного общения современного состояния речевой культуры социума;
- б) *влияние* узуса публичного компьютерного общения на состояние речевой культуры социума.

Что касается первого вопроса, то мы совершенно определенно можем утверждать, что анализ публичных диалогических компьютерных текстов дает основания говорить о *сниженном* уровне современной речевой культуры. Напомним, что, как отмечалось выше, в отличие от традиционных медийных разновидностей публичной коммуникации, публичные компьютерные тексты практически не проходят через фильтр *внешнего* языкового корректирования, т. е. они не корректируются языковыми редакторами, стилистами и пр. Тем самым авторский узус сохраняется „в своем первоизданном естестве”. Вряд ли поэтому можно удивляться наличию большого количества грубых грамматических ошибок; ср.: *тлицфон, искринний, модефикация, прецендент, состезание, участвовал, возрацился, оциястливить, обрадывал, упавать на случай, за бешенные бабки* [‘деньги’ – Г.Н.], *работадатель, кто хочет попалемировать?* и мн. др. Встречаются ошибки и в сегментации слов (*в добавок*) и пр.

Таким образом, графическая фиксация компьютерных текстов зачастую оказывается „разоблачительной”, демонстрируя низкий уровень речевой культуры пользователей интернета. Ср. приводимый выше диалог двух участников общения с разным уровнем грамотности:

AN>> И ты с ним на другую машину тоскался? Бедняга!!!;

PK> Спасибо за заботу, но не таскался. Он был уже отформатирован.

Приведем некоторые ошибки, зафиксированные в чешских чатах. Прежде всего это наиболее типичная и наиболее мучительная для чехов орфографическая ошибка, связанной с неразличением наслух так называемых „твердого” и „мягкого” [j], т.е.

„y” и „i”: *s tim bych se uz nezabival; tak ti uz moc nezbiiva; aby ti to nebiilo lito; abys neco vymislel.* Во всех выделенных графемах должно было бы находиться краткое или долгое „y”. Отмечена и письменная фиксация устной произносительной нормы: *vezmi si dešník; teľ nemám co dělat; totiš nevadí* и пр. Очень часто игнорируются знаки препинания, заглавные буквы в начале предложения заменяются на строчные и пр.

Иными словами, проблема повышения речевой культуры для обоих языков является весьма актуальной.

С первым вопросом тесно взаимосвязан и второй вопрос – о влиянии узуса публичного компьютерного общения на речевую культуру социума.

Речевой узус анализируемых текстов является довольно верным „слепок” складывающегося стереотипа современного вербального поведения, фиксируя как его позитивные, так и негативные стороны. Это особенно касается речевого поведения молодого поколения, наиболее приобщенного к новейшим техническим достижениям. Встречающиеся ошибки, безотносительно к тому, являются ли они произвольными или же преднамеренными („языковая игра”), благодаря публичности воспроизведения, широко *тиражируются*, т.е. независимо от нашего желания, они внедряются в языковое сознание, входят в привычку. Говоря это, мы имеем в виду, разумеется, не спорадические, а *часто и устойчиво* встречающиеся отклонения от общепринятой литературной нормы. Вряд ли можно считать случайностью, что некоторые молодые люди в России, особенно те, которые проводят много времени в интернете, начинают жаловаться на *снижение уровня грамотности*.

Думается, что не меньшие проблемы должны возникать и у чешских пользователей интернета с англоязычной транслите-

---

⁸ Достаточно сказать, что на 42 графемы чешского алфавита приходится 15 (т.е. примерно 36%), с надстрочными знаками, выполняющими смысловоразличительную функцию.

рацией в связи с отсутствием диакритики⁸. Используемые в чешском языке диакритические знаки выполняют важную смысло-различительную функцию, их игнорирование может вести к искажению смысла и информационному обеднению, непомерному разрастанию омонимии и в конечном итоге к нарушению взаимопонимания (заметим, что это существенно не только для чешского, но и для ряда других языков, пользующихся диакритикой); ср.: *ráda* ‘она рада’ – *rada* ‘совет’; *být* ‘быть’ – *byt* ‘квартира’; *pás* ‘пояс’ – *pas* ‘паспорт’ и огромное множество подобных случаев. Игнорирование диакритики не только нарушает сложившуюся многовековую графическую традицию, оно имеет серьезные последствия для этнической коммуникации, особенно если учесть все более возрастающие масштабы электронного общения.

Не следует упускать из вида и такой аспект как изучение чешского языка как *иностранного*. Как известно, иностранец чаще всего осваивает чешский язык через письменный текст (устный контроллер у него отсутствует). Запомнить, где нужно писать долгий или краткий гласный, для него столь же мучительно, как, скажем, для чехов, усвоить написание так называемого твердого и мягкого „i”. Написание слов с долгими и краткими гласными русскоязычный студент в большинстве случаев должен заучивать, на слух он их не различает, а поэтому и не воспроизводит в своей речевой практике, как письменной, так и устной. В силу этого у него нет иного выхода, чем выверять „подозрительные” слова по словарям, т.е. ориентироваться на письменный текст⁹. Иначе обстоит дело у чеха, у которого различие между долгими и краткими гласными заложено в его языковой памяти, он его „слышит”, т.е. „срабатывает” устный контроллер. Впрочем, в качестве „компенсации” русскоязычный студент легче усваивает различие между так называемыми твердым

⁸ Именно поэтому англоязычная транслитерация, применяемая в общении по интернету, в том числе и в электронных письмах, для иностранца является спасительным выходом, избавляя его от необходимости запоминать, где нужно писать долгий или же, напротив, краткий гласный.

и мягким „i”, так как может опереться на параллель с русским языком (чешскому твердому „y” соответствует русское „ы”).

Существуют опасения, что игнорирование этноязыковой специфики может негативно сказаться на развитии целого ряда языков – см. по этому поводу позицию Я. Гоффманновой (Гоффманнова 2006, с. 409–410).

Считаем необходимым подчеркнуть, что *массовое тиражирование* языковых ошибок и нарушений, перенасыщение речи заимствованиями (любого генезиса) может вести к изменению языкового сознания, снижению грамотности, уровня речевой культуры социума в целом, речевой лености и небрежности. Вряд ли можно игнорировать и информационные сбои, неадекватное восприятие текста. Опасно то, что мы постепенно с этим свыкаемся, воспринимаем отклонения как норму речевого поведения, не замечаем нарушений *внутриязыковых закономерностей*, естественных *внутрисистемных* пропорций и т.п. (см. по этому поводу: Нецименко 2002, 2007).

Литература

- Гоффманнова Я., 2006, *Интернационализация, коллоквиализация, влияние рекламы (Чешский язык и его ипостаси в актуальных коммуникативных ситуациях)*, [в:] *Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы*, Москва, с. 396–417.
- Йилкова (Гашова) Л., 2006, *Несколько наблюдений над деятельностью Интернет-клуба «Чешский язык»*, [в:] *Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы*, Москва, с. 418–431.
- Нецименко Г. П., 1998, *Диалог и его разновидности в современной коммуникации*, „Славяноведение”, № 1, с. 70–75.
- Нецименко Г. П., 2005, *К вопросу о лингвистическом статусе языка компьютерных диалогов*, [в:] *Язык. Личность. Текст*. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой, Москва, с. 56–73.
- Нецименко Г. П., 1999, *Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материалах сопоставительного изучения славянских языков)*, „Specimina Philologiae Slavicae” [München], Band 121.

- Нещименко Г. П., 2000, *К постановке проблемы „Язык как средство трансляции культуры“*, [в:] *Язык как средство трансляции культуры*, Москва, с. 30–45.
- Нещименко Г. П., 2001, *Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития*, „Вопросы языкознания“ [Москва], № 1, с. 98–132.
- Нещименко Г. П., 2002, *Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте*, [в:] *Встречи этнических культур в зеркале языка*, Москва, с. 121–151.
- Нещименко Г. П., 2003, *Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций*, Москва.
- Нещименко Г. П., 2007, *Заимствования и их влияние на закономерности внутриязыкового развития*, [в:] *Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект*, Москва, с. 404–444.
- Щерба Л. В., 1957, *Современный русский литературный язык*, [в:] *Избранные работы по русскому языку*, Москва.
- Щерба Л. В., 1974, *Языковая система и речевая деятельность*, Москва.
- B o z d ě c h o v á I., 1997, *Jazyk počítačů*, [in:] *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. F. Daneš a kolektiv, Praha, s. 105–113.
- Č m e j r k o v á S., 1997, *Čeština v síti: Psanost či mluvenost? (O stylu e-mailového dialogu)*, „Naše řeč“ 80, č.5, s. 225–247.
- D a n e š F. a kol., 1997, *Český jazyk na přelomu století*, Praha.
- H a š o v á L., 2002, *Lásky jedné esemesky*, „Naše řeč“ 85, s. 207–212.
- H o f f m a n n o v á J., 2003, *Čeština v současné soukromé korespondenci (dopisy, e-maily, esemesky)*, [in:] *Přednášky z XLVI. běhu Letní školy slovanských studií*, Praha, s. 57–70.
- K r á l í k J., 1997, *Sloh věku počítačů*, „Naše řeč“ 80, s. 57–63.
- N e š ě i m e n k o v á G., 1986, *K problému diferenciacie národního jazyka*, „Jazykovědné aktuality“ XXIII, č. 1 a 2, s. 44–46.
- N e š ě i m e n k o v á G., 2001, *Univerzální a specifické tendence ve vývoji jazyka sdělovacích prostředků*, [in:] *Čeština. Univerzální a specifika*. 3. Sborník konference v Brně 22.–24. 11. 2000, Brno, s. 277–289.
- N e š ě i m e n k o v á G., 2005, *K problému stanovení systémového statusu jazyka počítačových dialogů*, [in:] *Oratio et ratio*. Sborník k životnímu jubileu Jiřího Krause, Praha, s. 269–281.

- U h l í ř o v á L., 1994, *E-mail as a new subvariety of medium and its effects upon the message*, [in:] *The syntax of sentence and text*, Amsterdam–Philadelphia, s. 273–282.
- U h l í ř o v á L., 1994a, *On the role of the PC as a relevant object in face – to – face communication*, „Journal of Pragmatics“ 22, s. 511–527.
- H l a v e n k a J. a kol., 1997, *Výkladový slovník výpočetní techniky a komunikací*, Praha.